

Часть 1

Смена Сакуты в ресторане закончилась, он вышел на улицу и обнаружил, что небо затянули тучи. Может быть, это из-за тайфуна, который всю неделю висел над островами Огасавара. Сейчас он направлялся на север, не сбавляя скорости. Но в прогнозе погоды говорилось, что тайфун превратится во внетропический циклон до того, как достигнет материка и пройдет над водами к югу от Канто в начале следующей недели. Вероятно, здесь было еще не так уж плохо.

Но это не значило, что последствий не будет. Октябрь уже наполовину закончился, но влажность воздуха вернулась к уровню середины лета. Сакута собирался сегодня погулять с Май, но погода не благоприятствовала.

Было три часа десять минут, до их встречи осталось пять минут.

Май предложила встретиться перед рестораном, в котором Сакута работал, так что ему нужно было лишь выйти на улицу, что он и сделал.

Решив, что она, должно быть, идет со станции, он посмотрел в ту сторону и сделал несколько шагов.

Было почти три пятнадцать. Май до сих пор не пришла. Она отличалась пунктуальностью и почти никогда не опаздывала. Но Сакута не видел никого похожего на нее. Она не появилась и в самый последний момент, это было бы приемлемым опозданием.

Что бы вытянуть из нее в качестве извинения?

Сердце Сакуты наполнилось надеждой, он снова покосился на станцию, и тут рядом с ним остановилась машина с противоположного направления.

— ?

Выглядело так, словно ему подали машину. Озадаченный, он повернулся к ней.

Двухцветный автомобиль. Кузов был белым, но рамы автостекол и крыша — черными. Крылья и наружные зеркала тоже были черными, и все это имело закругленные формы. В целом машина напоминала панду.

Автомобиль был компактным и немецким. Благодаря дизайну он стал популярным — Сакута часто видел такую машину в городе. У этой модели было пять дверей, включая и багажник.

Водитель открыл дверь и вышел.

— Залезай, — донесся голос поверх крыши. Он безошибочно принадлежал Май.

— Эм... Май? — сказал он, не зная, с чего начать.

— Поторопись.

Она снова села на водительское сиденье, не дожидаясь ответа.

У него было бесконечное множество вопросов, но она явно торопилась, поэтому он забрался на пассажирское сиденье. В машине оказалось просторнее, чем он ожидал.

— Я здесь.

— Ремень безопасности?

— Пристегнут.

— Тогда поехали.

Держа руки на руле, Май проверила зеркала. Она подождала, пока проедет машина, затем включила поворотник и нажала на газ.

Автомобиль тихо выехал на дорогу. Он постепенно набирала скорость, удаляясь от ресторана. Вскоре стены здания скрылись из виду.

Они поехали прямо по дороге, проехав в мгновение ока вечернюю подготовительную школу, в которой работал Сакута. К тому времени, как он повернулся, чтобы посмотреть, школа уже пропала.

Он боковым зрением взглянул на Май: она чувствовала себя совершенно комфортно за рулем. На ней были фальшивые очки, волосы были свободно приподняты, и пряди спадали на лоб. При этом ее шея оставалась открытой, что всегда выглядело сексуально.

— Эм, Май?

— Что?

Она смотрела вперед.

— Что это?

— Машина. Слышал о таких?

Конечно, он слышал.

— Ты ее купила?

Это был не столько вопрос, сколько утверждение. Май — это Май Сакурадзима, поэтому покупка машины вряд ли могла считаться крупной тратой. Она купила себе квартиру еще в школе... так что приобретение автомобиля — пустяк.

— Как раз перед летними каникулами. Но потом я уехала на съемки, так что попросила их повременить с доставкой.

— А права?

— У меня они есть, конечно.

Вождение без прав незаконно.

Они застряли на светофоре сразу после станции «Фудзисава», поэтому она полезла в сумочку, достала бумажник и показала ему водительское удостоверение.

В удостоверении определенно было написано: «Май Сакурадзима» и указан ее адрес в Фудзисаве — все так, как и должно быть. И конечно, там была ее фотография. Снимки в документах, как правило, получаются ужасными. Однако ее фотография ничем не отличалась от рекламной фотографии Май Сакурадзимы — это удивляло.

Если подумать, в студенческом билете тоже была Май Сакурадзима. Дело в какой-то хитрости или в превосходном оригинале? Скорее всего, и то и другое, поэтому Сакута решил не спрашивать. Ему было плевать, что у него на фотографии в студенческом билете были глаза мертвой рыбы. Он всегда мог посмеяться, показывая ее людям, поднять так окружающим настроение.

— И когда ты их получила?

— В прошлом году, когда я снималась в утреннем сериале, примерно в то время.

С осени до весны, значит.

— Если у тебя было свободное время, ты могла бы ходить со мной почаще на свидания.

— Ты был слишком занят учебой, и ты это знаешь.

Значит, теперь он виноват?

— У тебя не было на меня времени, поэтому мне пришлось учиться и сдавать на права, чтобы чем-то себя занять.

Несмотря на это, она все равно помогала ему с учебой, что впечатляло.

— Эх...

— Что за вздох?

— Я сам планировал учиться на права, как только немного накоплю.

— Не буду отговаривать.

— Получу свои права тайно, а потом удивлю тебя свиданием в машине.

Он подумал, что так он сможет проводить немного больше времени со знаменитостью вроде нее. Ей хорошо удавалось оставаться незамеченной, но в последнее время ее агентство стало осторожнее, и большую часть времени она проводила в разъездах в фургоне своего менеджера.

— Ну, я сделала то же самое, — сказала Май, ухмыляясь.

— У тебя есть разрешение сводить меня на свидание?

— Вот именно. С машиной гораздо проще ходить на свидания

— И не потому, что она тебе понадобилась на съемках?

— Ну, и это тоже.

— Я так и думал.

— Перестань ворчать и включи навигатор.

— Куда едем?

— В Одайбу. Мы ведь идем на концерт?

Когда он настраивал навигатор, Май включила песни «Сладкой пули», чтобы поднять настроение.

Часть 2

Май сделала несколько объездов на пути к месту, где пройдет концерт, они застряли в пробках, но добрались до Одайбы в начале шестого, когда солнце стало садиться.

Она, бесспорно, напугала Сакуту, когда сказала: «Я слышала, вы с Хирокавой ходили на свидание?» — но оказаться с Май наедине в закрытой машине было в новинку для него, и он наслаждался каждой секундой.

— Мы просто съездили в Мисакигути, поели тунца и покатались на велосипедах по полям дайконов.

— Это то, что люди называют свиданием.

Он стал оправдываться, но весь день думал об одном и том же, поэтому сменил тему как можно скорее.

Движение в районе Одайбы стало интенсивнее, но к половине шестого им удалось найти свободную парковку и оставить машину.

К тому времени, когда они покинули парковку, было пять сорок.

Сам концерт начинался в шесть. Двери уже открыли, и вестибюль, вероятно, был битком набит поклонниками, отчаянно желавшими увидеть своих кумиров.

Сакута и Май не спеша прогуливались.

Они, как всегда, планировали проскользнуть внутрь в последнюю секунду, чтобы избежать внимания. На улицах оказалось больше людей, чем ожидалось, но, возможно, это означало, что они пришли вовремя.

В субботу в Одайбе было полно любителей поразвлечься. Толпа состояла в основном из молодых: большинству было двадцать и тридцать лет. Еще встречались иностранные туристы.

Май шла рядом с Сакутой. Она сняла свои фальшивые очки и надела шляпу и маску. В машине на ней был симпатичный свитер, а теперь — мешковатая куртка, скрывающая фигуру, которой

позавидовали бы женщины во всем мире.

Ни выражением лица, ни силуэтом она не напоминала Май Сакурадзиму, которую все знали. Возможно, чтобы было удобнее водить, она надела облегающие брюки, и получившийся образ подчеркивал ее длинные, стройные ноги, несмотря на мешковатую куртку. Даже замаскировавшись, она умудрилась сохранить свою красоту.

Когда они пересекали оживленный перекресток, Май обхватила руку Сакуты, ее пальцы были чуть выше его локтя.

— Чтобы ты не потерялся, — объяснила она.

— У меня нет телефона, так что не смей отпускать.

Из-за большого количества людей было сложно не столкнуться с пешеходами, которые шли навстречу. Если они потеряют друг друга, это будет конец.

— Ты бывал здесь раньше, Сакута?

— Нет. Повода не было.

Так что он не знал дороги.

Май, казалось, двигалась так, словно знала, куда идти, поэтому он шел за ней.

— Ты часто здесь бываешь?

Поблизости была телевизионная станция, что объясняло, почему она знала эту местность.

— Не часто, иногда. В основном по работе.

Вскоре он заметил впереди большой торговый центр. Перед входом стоял гигантский робот высотой около двадцати метров. Его части светились красным светом. Сакута не удержался и уставился на него.

В Дайвер-Сити Одайба не валяли дурака: здесь было все, настоящий рог изобилия.

— Он трансформируется, — сказала Май.

— Seriously?

На это стоило посмотреть, но Май даже не сбавила скорость и потащила его мимо робота к концертному залу.

Внутри Май заметила стойку для сотрудников и друзей.

— Иди. — Она подтолкнула его.

— Я?

— Разве Нодока не сказала тебе, что на имя Азусагава будет два билета?

— Нет, не говорила.

Если бы билеты отложили на имя Май Сакурадзима, то это, скорее всего, привлекло бы нежелательное внимание.

Сакута подошел к стойке, и женщина в костюме спросила:

— Ваше имя, пожалуйста?

— Азусагава.

Она сверилась со списком, лежащим на столе, и сразу же нашла его имя. Он понял это по выражению ее глаз.

— Вот ваши два билета. Проходите.

— Спасибо.

— Не за что.

Он отошел от стола, вернулся к Май, и они продолжили идти.

Пройдя по короткому коридору, они открыли звуконепроницаемые двери и оказались в самом концертном зале.

Стоячую зону уже забили до отказа, даже на входе было не протолкнуться. И тут находилось меньше двух тысяч человек?

Они пошли вдоль задней стены, отыскивая крошечное место, которое можно было занять. И как только они его нашли, ведущий стал зачитывать правила.

Не делать записей, не забираться на сцену, не мешать окружающим, быть активными, но не поднимать шумиху и так далее.

Концерт был совместным: четыре разных айдол-группы исполняли по три-четыре номера. «Сладкая пуля» выступала второй. Сакута слышал, как мужчина возле стойки ресепшна — скорее всего, другой зритель — сказал, что до него дошли слухи, что будет секретный гость — возможно, в конце выступит еще одна группа.

Но самым тайным гостем, без сомнения, была Май.

— С минуты на минуту, — сказала она, проверяя время на телефоне.

Через секунду зазвучала музыка, и на сцену выбежала первая группа.

— Погнали, Одайба!

Вышло шесть девушек, одетых во все черное. Их музыка была грубой и мощной.

Не все айдол-группы были милыми, чистенькими и попсовыми. Встречались и такие, которые тяготели к року, металлу или панку.

Узуки сказала, что существуют тысячи айдол-групп. Хотя многие из них следовали основным тенденциям, вполне логично, что были и те, кто отличался. Благодаря такой конкуренции появлялось что-то новое и менялись тенденции.

Не все в индустрии могли стать следующей Май Сакурадзимой. Таких суперзвезд, как она, было очень мало.

Сакута посмотрел на нее, и она, заметив это, повернулась и спросила:

— Что?

Он молча покачал головой. Она закатила глаза и посмеялась.

Ничего особенного в их обмене взглядами не было, тем не менее получилось забавно.

Первая группа исполнила три песни.

Их поклонники выкрикивали имена участников, и их возгласы достигли сцены. Девушки помахали в ответ, а затем умчались.

Как только сцена освободилась, свет погас. Специально.

— О-о-о-о!

Предвкушение зрителей напоминало низкий гул, поднимающийся из партера.

Мгновение спустя мягкое сияние озарило сцену. На нее вышли пять членов «Сладкой пули», повернувшись спиной к толпе.

Они по очереди разворачивались, исполняя короткое соло. Последней повернулась девушка в центре — Узуки. Песня началась с припева, а потом главный музыкальный рифф взмыл ввысь.

Голоса поклонников эхом раздавались во время вступления:

— Зукки!

— Дока!

— Яньян!

— Ранран!

— Хотарун!

Однако зрители не хотели портить песню, поэтому, когда зазвучала основная мелодия, они ограничились взмахами светящихся палочек, двигаясь в такт музыке прямо под сценой.

Поклонники подбадривали группу, хотя именно вокал Узуки играл ключевую роль.

В ее голосе слышалась каждая нота, и он передавал эмоции, скрывающиеся за строками, а остальные девушки следовали ее примеру. Узуки была ядром, и именно благодаря ее пению песня сформировалась. Несмотря на громкость, все пять голосов идеально гармонировали.

Прошел целый год с тех пор, как Сакута был на концерте «Сладкой пули». Летом позапрошлого года из-за каких-то семейных дел Котоми Кано бросила учебу в последнюю минуту и Каэдэ насильно сунула ему в руки свой билет. С тех пор он не приходил на их выступления.

Они добились значительных улучшений, что было видно.

Они все стали лучше как певцы.

Они действительно умели петь.

Их хореография всегда была отточенной, но теперь она стала еще слаженнее. Движения участниц — от самой низкой до самой высокой — были как одно целое, синхронными.

Такой уровень отточенности бросался в глаза — было трудно отвести взгляд.

Выступление поразило даже зрителей, пришедших ради других групп. Сакута видел, как у окружающих отвисли челюсти.

Но, даже несмотря на такой уровень, Узуки сказала, что им далеко до «Будокана». Им нужно было в пять раз больше поклонников, чем они имели сейчас.

Что еще они могли сделать?

Сакута не думал, что «Сладкая пуля» плохо выступала. Они обладали всеми нужными качествами. Так почему же их рост популярности застопорился? Сакута вряд ли мог найти ответ на этот вопрос. Будь ответ на поверхности, они бы уже выступали на сцене «Будокана».

Пока эти мысли проносились у него в голове...

...Безупречное выступление «Сладкой пули» пошло наперекосяк.

Сначала это было незначительно, как будто Сакуте показалось.

Но он чувствовал, что Узуки стала медленнее танцевать и отставать от других.

Возможно, так и было спланировано.

Это стало очевидно только тогда, когда Узуки и Нодока поменялись местами. В глазах Нодоки мелькнуло беспокойство.

Он взглянул на Май: она тоже хмурилась.

Что-то было не так.

Поклонники начали замечать это и слабее махать светящимися палочками.

Все взгляды обратились к Узуки.

Она продолжала танцевать, слегка сбиваясь с ритма, ее глаза устремились вдаль. Ее улыбка не угасла, но она не смотрела на зрителей.

Сакута начинал беспокоиться.

Он не понимал, что происходит.

Он не знал, случится ли что-нибудь еще.

Но, по крайней мере, он чувствовал, что это нельзя было описать словами «сегодня я в плохой форме».

И он оказался прав.

Это случилось, когда начался второй припев.

Голос Узуки сорвался, словно слова застряли в горле.

Из ее микрофона слышался скрежет. Почти как стон боли.

Но члены «Сладкой пули» не перестали петь. Нодока и другие участники взяли на себя соло Узуки.

Узуки стояла посреди них, все еще держа свой микрофон и напевая.

Но непохоже, чтобы ее микрофон работал.

— Проблемы со звуком? — прошептала Май. Но она явно беспокоилась о чем-то другом. Так же, как и Сакута.

Первый номер закончился.

Все участники «Сладкой пули» стояли в ряд лицом к толпе.

— Всем привет! — сказала Яэ Ану как ни в чем не бывало. Как и ожидалось от замлидера

группы, она легко взяла на себя командование.

— Мы...

— «Сладкая пуля»!

Все члены группы закричали как один, но из микрофонов раздалось только четыре голоса.

Голоса Узуки среди них не было.

Она шевелила губами, но Сакута ничего не мог разобрать. Скорее всего, у него не получилось бы, даже если бы он стоял прямо перед ней.

Возможно, потому, что Яэ знала об этой проблеме, она была кратка и сказала:

— У нас мало времени, поэтому давайте вернемся к музыке! У нас есть еще две песни для вас!

Перед началом следующего номера все, кроме Узуки, обменялись быстрыми взглядами.

В каждом взгляде было много смысла — это говорило о количестве времени, проведенном вместе.

Второй и третий номера «Сладкой пули» прошли без проблем.

Как и во время первой песни, только Узуки слегка сбивалась с ритма и явно просто шевелила губами, но не было признаков, что они собирались отменить выступление.

Как и положено айдолам, на сцене они ярко сияли и улыбались.

Когда они покинули сцену, вышла третья группа, не давая шумихе утихнуть.

Перед началом их первой песни Май сказала:

— Пойдем.

И Сакута последовал за ней в холл.

Сквозь звуконепроницаемые двери шум почти не доносился. Они словно попали в другой мир.

Словно они вернулись в реальность.

Они вышли из здания и направились к парковке.

Когда они миновали первый светофор, Сакута заставил себя заговорить.

— Май, что это было?..

— Я думаю, ее голос пропал.

Он и сам об этом догадывался.

— Я сомневаюсь, что мы скоро получим ответ, но я напишу Нодоке, — сказала она и свернула с главной дороги. Сакута стоял рядом с ней, слова Май эхом отдавались в его голове.

«Я думаю, ее голос пропал».

Он задумался, что это значит для певца.

Часть 3

Ответ Нодоки пришел через час.

«Мы в больнице».

Короткое сообщение на телефон Май.

Похоже, как только они покинули сцену, Узуки отвезли к врачу.

Май спросила куда, добавив, что заедет за ней, и оказалось, что больница находилась недалеко от Одайбы.

Когда Сакута и Май добрались туда, было уже восемь тридцать вечера.

Парковка была почти пуста. Май припарковалась, и они, отстегнув ремни безопасности, открыли двери и вышли.

— Здесь вход? — спросила Май.

Часы посещения уже закончились. У задней двери горел красный свет для экстренных пациентов, и это, похоже, был единственный вход, где вообще горел свет. Решив, что персонал скажет, если нужно войти через другой вход, они пошли туда.

По дороге они встретили пару знакомых лиц.

Узуки с накинутым на плечи плащом. Она все еще была в своем сценическом костюме и даже не смыла макияж. Как будто она только сняла украшения и сразу побежала сюда.

Рядом с ней стояла ее мама. Сакута встречал ее однажды, какое-то время назад. Она была совсем молодой, когда родила Узуки, и сейчас ей было не больше тридцати. Она определенно выглядела так же, как и ее дочь, учившаяся в университете.

Они оба увидели идущих Сакуту и Май.

— Сакута! Давно не виделись, — приветствовала мама Узуки. — И Май.

Они оба кивнули ей. Затем повернулись к Узуки.

— С тобой все хорошо, Зукки? — спросил Сакута.

— ...

Она не ответила. Только неловко улыбнулась.

— Извините, у нее просто сейчас нет голоса, — сказала ее мама, нисколько не изменив своего тона.

— ...

— ...

Сакута и Май потеряли дар речи.

Май была права.

Ее голос действительно пропал.

В машине по дороге сюда Май рассказала Сакуте несколько историй о людях с подобными симптомами. Слишком сильный стресс или плохие новости с работы приводили к тому, что

люди временно не могли говорить, как бы ни старались. Май видела, как внезапно люди теряли слух или речь становилась невнятной.

Сакуте было нетрудно в это поверить, потому что он был свидетелем того, как Каэдэ потеряла память из-за диссоциативного расстройства.

Человеческие эмоции и телесные заболевания переплетены гораздо теснее, чем многие думают.

— Нам сказали пока немного отдохнуть. У нее была очень большая нагрузка, — сказала мама Узуки. — Ну, наверное, не такая большая, как у тебя, Май.

Узуки выглядела так, словно хотела что-то сказать, но... не могла. Ее рот все время открывался и закрывался.

Сакута наблюдал за ней, и она это заметила, встретившись с ним взглядом. Она улыбнулась и быстро отвела глаза.

— Если вы пришли за Нодоккой, то она все еще внутри, разговаривает с менеджером, о завтрашнем дне.

У «Сладкой пули» в воскресенье был концерт, поэтому им нужен был план действий на случай непредвиденных обстоятельств.

Мама Узуки достала ключи от машины из кармана пиджака.

Позади них замигали фары минивена.

— Извините, что оставляю вас, но мне нужно отвезти ее домой.

— Берегите себя.

Что еще Сакута мог сказать?

Узуки слегка помахала ему рукой, кивнула Май и скользнула на пассажирское сиденье. Ее мама проверила, пристегнут ли ремень, затем помахала им рукой и уехала.

Микроавтобус тихо выехал с территории больницы.

В половине больничных коридорах не горел свет, было довольно мрачно. Вокруг никого не было. Шаги Сакуты и Май отдавались эхом.

Некоторое время они шли по коридору, но, когда свернули за угол, стало намного светлее.

Они слышали голоса.

— Вы хотите, чтобы Узуки начала сольную карьеру? — прозвучал раздраженный голос.

Это была Нодока?

Они остановились и посмотрели вперед. В амбулатории внутренней медицины пять фигур стояли перед регистратурой. Помещение предназначалось для встреч с пациентами, но никто не присел.

Все члены «Сладкой пули» были одеты в такие же костюмы, как и Узуки. Нодока Тоёхама, Яэ Ану, Ранко Накагоу и Хотару Оказаки — все четыре участницы смотрели на стоящую перед ними взрослую женщину.

— Менеджер Нодоки, — прошептала Май.

На вид менеджеру было около тридцати. На ней был хорошо скроенный пиджак и очки, которые придавали ей интеллигентный и собранный вид. У нее определенно был не самый лучший день, но она, похоже, не собиралась спорить.

— Ну? — напирала Яэ.

— Вы должны рассказать нам! — сказала Хотару. У нее был детский голос.

— Менеджер! — Последняя просьба исходила от Ранко, самой взрослой участницы.

— Ладно... — сказала менеджер, скидывая руки. — Шеф велел молчать, но это правда. Ходят разговоры, что она будет выступать сольно.

— Значит, она уходит? — спросила Хотару.

Она не уточнила откуда, всем было и так понятно. Вероятно, она не хотела говорить это вслух.

— ...

Но ни одна из сторон больше ничего не сказала.

Если бы он засек время, молчание, вероятно, длилось бы всего пять секунд, но оно показалось

мучительно долгим.

— Шеф считает, так будет лучше.

— !

Все четыре девушки закусил губы.

— Но Узуки отказалась.

— ...

Нодока вскинула голову, нахмурившись. Она не выглядела обрадованной.

— Почему? — спросила она.

— Я не могу сказать.

— Когда это было? — поинтересовалась Яэ.

— Сразу после того как сняли рекламу. Примерно... в конце августа?

— Так... — удивилась Ранко. Наверное, она хотела сказать: «Так давно?»

— Сначала шеф оставил это без внимания, но, увидев реакцию общественности... ну, он не смог оставить все как есть. Он хочет, чтобы как можно больше людей узнали, какая она невероятная. А если говорить честно, мы получили предложения о сольной карьере от довольно влиятельных личностей.

Сакута предположил, что речь о крупных продюсерах в музыкальной индустрии.

— И вы рассказали об этом Узуки? — спросила Яэ, чтобы убедиться. Казалось, она пережевывала каждый кусочек информации по очереди. Нодока стояла рядом с ней с тем же выражением лица, напряженно размышляя.

— Нет. Шеф сказал, что ждет подходящего момента.

— Тогда почему Зукки ведет себя так странно? — спросила Хотару. Ее вопрос затрагивал суть дела.

— ...

Но непохоже, что у членов группы был ответ.

Они чувствовали это. Они заметили изменения в Узуки.

Они полагали, что это связано с предложением о сольной карьере. Но, судя по тому, что сказала менеджер, они ошибались.

Но они не могли быть уверены. У них не было достаточно причин. Что же настолько тяготило Узуки, отчего она потеряла голос?

— А что насчет вас? — спросила менеджер. — Есть идеи, почему она так напряжена?

— ...

Никто ничего не сказал. Еще одно долгое молчание, но оно имело совсем иное значение. Девушки смотрели друг на друга. У них определенно были идеи.

— Я буду считать, это «да»

— ...

Но никто из них так и не заговорил.

— Не хотите говорить — хорошо. Вы разберетесь с этим самостоятельно?

Яэ кивнула за всех.

— Тогда завтра собираемся, как и планировали.

— Да, — сказали все четверо в унисон.

— Просто будьте готовы к худшему.

Даже Сакута знал, что это значило.

Если к Узуки не вернется голос...

Часть 4

По дороге домой никто не разговаривал. На этот раз пассажиров было на одного больше, но все равно царила тишина.

Положив руки на руль, Май сосредоточилась на вождении. Сакута сидел на пассажирском сиденье, а Нодока — позади него, глядя в окно и наблюдая за проплывающим мимо миром. В боковом зеркале Сакута видел меланхоличное выражение ее лица.

Какое-то время они ехали по главной дороге, и, миновав Йогу, Май сделала крутой поворот на платную дорогу Дайсан Кейхин. Автомобиль миновал электронный пункт взимания платы за проезд и ускорился. Когда под ними пронеслась река Тама, машина уже влилась в транспортный поток и ехала со скоростью восемьдесят километров в час.

Они ехали быстро и преодолели большой участок дороги.

Сакута больше не мог выносить гнетущую тишину и открыл крышку газировки, которую купил в магазине перед концертом, со вкусом персика.

Он сделал глоток.

— Неплохо.

— ...

— ...

Май и Нодока молчали.

Вот такая награда за попытку разрядить обстановку.

Сакута все еще был в замешательстве, когда до него донесся голос с заднего сиденья.

— В зеленой комнате перед концертом...

Когда все эмоции утихли, остались лишь одни сожаления. В голосе Нодоки не было и следа от ее обычного задора. Он звучал настолько по-другому, что на мгновение Сакута даже не понял, что это она.

Он снова посмотрел в зеркало: она оперлась локтем о дверную раму, а головой прислонилась к стеклу. Ее глаза все еще были устремлены на пейзаж, но, скорее всего, почти ничего не

видели.

— Узуки спросила нас кое о чем.

Май молчала.

Сакута последовал ее примеру: выжидал.

Следующие слова Нодоки прозвучали очень тихо.

— «Как вы думаете, мы попадем в „Будокан“»?

— ...

— В любой другой день я бы сказала: «Конечно, попадем» или «Давайте сделаем это». Я всегда так говорила, — шепот Нодоки почти пропал в гуле двигателя. — Мы всегда так говорили: когда расстраивались из-за отмены концерта; или когда облажались и потеряли уверенность; или когда до изнеможения занимались пением и танцами, но поклонников все равно не прибавлялось. Когда Айка и Мацури ушли.

Каждый раз, когда мы чувствовали себя разбитыми, это было нашей кодовой фразой, нашим шифром — «Давайте доберемся до „Будокана“ вместе». Вот так мы всегда брали себя в руки.

Голос Нодоки становился прерывистым. Не от печали или одиночества. И очевидно, не от радости. А от сожаления. Она разочаровалась в себе. Ее глаза наполнились слезами.

— Я всегда говорила это, но сегодня не смогла.

— ...

— Ни я, ни кто-либо другой. Это такие простые слова, но, когда Узуки спросила, никто не ответил.

— ...

— И я знаю почему: она всегда говорила это первой, она всегда подбадривала нас.

После такого было легко встряхнуться. Кто-то уже сказал это. Кто-то уже сделал выбор. Бремя лежало не на них.

— Узуки держала всех нас на плаву. А когда потерянной стала она, мы не смогли ничего сделать для нее.

Сакута не считал, что это полная правда. Когда голос Узуки пропал во время выступления, каждый член «Сладкой пули» прикрыл ее.

Это была проблема, которая легко могла сорвать все, но они решили не отменять выступление и довести дело до конца. Только они могли так поступить.

Определенно, были поклонники, которые заметили, что что-то не так. Но поскольку шоу продолжалось, они не волновались. Результаты говорили сами за себя. Это был лучший из возможных результатов, учитывая то, с чем они столкнулись.

Такое нельзя было провернуть в кратчайшие сроки. Нодока говорила, что с недавних пор они стали меньше проводить время вместе, но сегодняшний концерт продемонстрировал их сплоченность в качестве коллектива. И зрители остались в восторге, потому что это было видно.

Но сейчас все это мало что значило бы для нее.

— Я просто полагала, что у Узуки не будет проблем.

Машина все еще ехала вперед.

Май по-прежнему ничего не говорила.

Сакута бросил на нее взгляд искоса, но она просто держалась на безопасном расстоянии от белого внедорожника впереди.

Машина Май провезла их через Кавасаки, и они въехали в черту города Йокогама. Она свернула на Йокогаму Шиндо.

На экране навигатора было видно, что им осталось только проехать платный участок в Тоцука, а затем следовать по трассе номер один до самой Фудзисавы.

Некоторое время они ехали в тишине. Наконец Май спросила:

— Что ты будешь делать завтра?

Она спросила совершенно обычным тоном. Ее руки были на руле, а выражение лица расслабленным.

Нодока подпрыгнула от этого вопроса и оторвалась от окна. Она выпрямилась, ее спина стала чересчур прямой.

Возможно, она думала, что ее будут ругать за все это нытье.

Май вообще была очень милой, и, хотя она нечасто говорила об этом вслух, она действительно желала Нодоке успехов. Май всегда покупала новые песни и диски «Сладкой пули». А сегодня по дороге на концерт она включила их музыку в машине.

Но обратной стороной этого было то, что она могла быть довольно суровой, когда кто-то жаловался на трудности жизни знаменитостей. Она была так же требовательна к себе, отчасти благодаря этому она и осталась популярной.

Сакута сел поближе к окну: прежде он уже получал сопутствующий ущерб от подобных размолвок. Возможно, она и не стала бы бить кого-то в машине, но у него сработал защитный рефлекс.

Май заметила это и бросила на Сакуту быстрый взгляд, но она ничего не сказала.

Он бы предпочел, чтобы она как-то прокомментировала: ее молчание пугало.

— Завтра мы будем только вчетвером. Без Узуки.

— Вы справитесь? — спросила Май.

— Да. Надеюсь.

Голос Нодоки прозвучал не слишком уверенно: она все еще боялась. Они не знали наверняка, справятся ли, но она хотела, чтобы все получилось, и именно поэтому она так сказала.

— Хорошо, — ответила Май. На ее губах заиграла улыбка.

— Мы не можем позволить Узуки продолжать сходить с ума. Мы должны держать себя в руках.

Часть 5

Когда Сакута раздвинул шторы, показались огромные, как горы, облака, медленно дрейфующие с запада на восток.

Время от времени виднелись голубые пятна. Можно ли считать, что это частично облачно или частично солнечно? Зависит от того, с какой стороны посмотреть.

«Каким будет сегодняшний концерт?»

Солнечным? Облачным? Или пойдет дождь? Начнется ли гроза?

Вчера он проверил прогноз погоды: обещали солнце и дождь. Солнце с возможными осадками — обычная летняя непредсказуемость. Ведущий сказал: «Небо будет ясным. Но все равно возьмите зонт: внезапно может начаться дождь».

Сакута уставился на нерешительное небо, наполовину прикрыв глаза.

Он явно не выспался и хотел лечь обратно в постель.

Вчера он отработал смену, встретился с Май, сходил на концерт и разбирался с последствиями. Из-за того, что пришлось пойти в больницу, он вернулся домой поздно, но все же в одиннадцать, так что не спал он по другой причине.

В основном из-за Каэдэ, как только он зашел, она обрушила на него миллион вопросов: «С Узуки все хорошо?», «А что будет завтра?», «Что сказала Нодока?» Она даже говорила с ним через дверь в ванную, так что это продолжалось довольно долго.

— Как ты вообще узнала, что случилось с Зукки? — удивился Сакута, ведь Каэдэ не было на концерте.

— Из Интернета!

Когда он вышел из ванны, она показала ему экран ноутбука. Там было несколько статей о случившемся на концерте.

В основном одни домыслы, ни единого факта. Заголовки были приманкой, чтобы раззадорить поклонников. Писали о конфликтах в группе, о том, что Узуки скоро покинет группу — все это просто подливало масла в огонь.

Поскольку Узуки была в центре внимания, такие статьи легко набирали просмотры. Их писали в большом количестве, и в них говорилось об одном и том же. Так люди зарабатывали на жизнь.

— С ней все будет хорошо.

— Правда?

— Ну... это же Зукки.

У Узуки были Нодока и другие члены «Сладкой пули», которые заботились о ней. Еще у нее были поклонники. Она всегда поднимала им настроение, и теперь они делали то же самое для Узуки.

Так что ни у кого не было причин впасть в депрессию.

— Мм, и правда.

Каэдэ, видимо, уловила его мысль, поэтому поклялась, что не уйдет с концерта, даже если пойдет дождь. Конечно, ее беспокойство никуда не делось, но она получила то, что ей нужно было, и ушла в свою комнату.

Зевая, Сакута зашел в гостиную и увидел, что Каэдэ уже приготовилась к выходу.

Было девять утра, каждая секунда приближала к десяти.

— Уже уходишь?

Концерт на открытом воздухе начинался в час дня и проводился на острове Хаккейдзима, так что дорога заняла бы час. Сакута понимал, что ей не терпелось, но было еще слишком рано.

— Я встречаюсь с Коми на станции «Йокогама», и мы вместе пообедаем. — Она пошла к двери.

Сакута и Насуно просто смотрели, как она уходит.

— Будь осторожней! — крикнул он.

— Обязательно!

Дверь открылась, и она вышла.

— Она так выросла, — пробормотал Сакута, искренне тронутый.

Оставшись один дома, он приготовил себе поздний завтрак, постирал белье и убрался в своей комнате. Вышел он только в одиннадцать тридцать.

Путь от Фудзисавы до острова Хаккейдзима был почти таким же, как и в университет, до станции «Канадзава-Хаккей».

Возможно, он потратил бы на десять минут меньше, выбрав другой путь, но этот маршрут

подходил лучше, так как большую часть расходов на дорогу покрывал проездной.

Хотя поезд был тот же, люди в нем отличались, а атмосфера казалась «супервыходной». Особенно разница проявилась, когда он пересел на линию «Кейкю»: там были одни пары и семьи с детьми. Должно быть, они ехали в Мисакигути, или на станцию «Йокосука-чуо», которая была по пути, или, может, на остров Хаккейдзима, как и Сакута.

Когда поезд приехал на станцию «Канадзава-Хаккей», из него вышло довольно много людей, в том числе семьи с детьми и молодые пары. Они все пошли к «Приморской линии».

Среди них был и Сакута.

Изначально станция «Приморская линия» находилась в нескольких минутах ходьбы, но после реконструкции пересадка стала намного проще.

Как и следовало из названия, поезд ехал по надземным путям вдоль побережья. С такой высоты открывался вид на безбрежные просторы океана.

Пейзаж за окном делал свое дело: пока Сакута рассеянно смотрел на океан, поезд проехал три станции, а затем прибыл на остров Хаккейдзима.

Как и станция «Эносима» не была на Эносиме, так и эта станция не находилась на острове Хаккейдзима.

Сакута покидал станцию, следуя за толпой из поезда, в котором он ехал, в сторону океана.

Их взгляды приковались к острову впереди и мосту к нему.

Было недалеко.

Сакута шел один, окруженный парами и семьями. Май работала, поэтому она не пошла на концерт. У нее редко находилось время по выходным, вчерашний день — исключение.

Слегка осознавая, что на него смотрят, Сакута благополучно перешел через мост Канадзава-Хаккей и добрался до созданного людьми острова за ним. Если учесть его посещение Одайбы накануне, он провел довольно много времени на искусственных землях.

На острове было полно огромных развлекательных комплексов на морскую тематику: океанариумов, аттракционов, торговых центров, гостиниц и арен.

Этот остров часто показывали по телевизору, так что Сакута знал о его существовании, тем не

менее он был здесь впервые. Хотя он жил достаточно близко к интересным местам, он так никуда и не ходил. Этот остров являлся одним из таких мест.

Но теперь, когда Сакута был здесь, все оказалось гораздо грандиознее, чем он думал.

Благоустроенным — таким казался парк, или, может, тематическим. Был октябрь, поэтому вокруг все украсили к Хэллоуину, что, конечно, только сильнее впечатляло. Сакута шел следуя указателям к концертной площадке.

Глядя на рельсы огромных американских горок, он прошел сквозь тень здания, и впереди открылся вид.

Он добрался до дальней части острова, до площади с видом на океан, там стояла большая толпа.

С одной стороны была сцена, на ней уже выступали, он не знал кто.

Это была рок-группа из четырех парней.

Похоже, они пользовались популярностью у девушек: перед сценой стояла страстная толпа.

Видимо, сегодня выступали не только айдолы.

Следующей вышла исполнительница-автор из Канагавы, у нее были гитара и губная гармошка, ее нежная мелодия создала теплую атмосферу на площадке.

Публика была довольно разнообразной.

Поклонники, пришедшие посмотреть на любимого исполнителя, смешались с теми, кто просто оказался на острове Хаккейдзима и решил заглянуть на концерт.

Было видно, кто воодушевился сильнее всего.

Поклонники старались подобраться как можно ближе к сцене, в то время как остальные стояли в центре площадки и вяло хлопали. Была еще группа, наблюдавшая за сценой издалека.

Было достаточно места, чтобы двигаться. Многие спрашивали: «Здесь проводится концерт?» — а остальные подтверждали, в том числе и Сакута.

Хотя уровень энтузиазма разнился, толпа была внушительной. Перед сценой, наверное, стояли две тысячи разгоряченных поклонников, как и на концерте накануне.

И около пяти-шести сотен непоклонников.

Каэдэ и ее подруга Котоми Кано тоже должны были прийти, но толпа мешала найти их — место не подходило для встреч.

— Спасибо, остров Хаккейдзима! — сказала тридцатилетняя певица. Она помахала рукой и ушла со сцены.

Ее сменила молодая ведущая. Она подошла к краю сцены с микрофоном в руках.

— Дальше выступает «Сладкая пуля»! — крикнула она.

Заиграла вступительная музыка, и на сцену выбежали участники группы.

Яэ Ану, замлидер, в последнее время часто выступала на спортивных мероприятиях.

Хотару Оказаки все чаще снималась в телевизионных сериалах, как-то она даже получила роль антагонистки Май.

Позади нее стояла Ранко Накагоу, которая работала фотомodelью.

Четвертой на сцену вышла Нодока Тоёхама, ее светлые волосы сверкали.

Вот и все.

В «Сладкой пуле» было пять участниц, но пятая отсутствовала.

Поклонники, стоявшие впереди, естественно, заметили отсутствие Узуки Хирокавы. По толпе пробежала рябь, тревожные шепоты.

Словно пытаясь разрядить обстановку, «Сладкая пуля» стала исполнять свой номер.

Ничего об отсутствии Узуки. Они выступали, как всегда, улыбаясь поклонникам.

Энергичная, четко поставленная хореография.

Вокал, который воспарил даже на открытой сцене.

Сцена была немного широкой для них четверых, но они не казались маленькими.

Поклонники откликнулись на их энергию: они кричали, хлопали и прыгали вместе с ними. Упало несколько капель дождя, но это никого не волновало, возможно — даже усилило энергию.

Они отрывались во время первой песни, не давая ажиотажу угаснуть.

Волосы намокли, капли блестели на их шеях, и не только от дождя.

Задыхаясь, они сделали паузу, чтобы перевести дух.

Никто не призывал к тишине, тишина в толпе воцарилась сама.

Все затаили дыхание, ожидая, упомянет ли «Сладкая пуля» о пропавшем члене группы.

Слышался лишь тихий стук дождя.

— Всем привет! — воскликнула Яэ. — Мы...

— «Сладкая пуля»!

Все четыре голоса гармонировали — стандартное приветствие.

— Подождите, разве нас не должно быть больше? — спросила Хотару, демонстрируя свое детское личико.

— А нам правда так нужно сейчас это обсуждать? — насмешливо хмыкнула Нодока.

— Тяжело петь партии Зукки! — ворчала Ранко.

Толпа засмеялась.

— Так где же она? — спросила Хотару, снова взяв инициативу в свои руки.

— Смотрите, а зрителям-то нормально — просто погнали дальше! — шикнула Нодока, и снова раздался смех.

— У Зукки тяжелые партии! — сказала Ранко, явно не закончив ворчать.

— Я знаю! Мне сложно! Яэ, не стой столбом, займись делом.

Нодоке это явно надоело, поэтому она упрекнула замлидера.

Эта сценка выглядела невероятно естественно. Поклонники приходили на их концерты, чтобы увидеть, как они вот так перешучиваются.

— Не волнуйтесь, — обратилась к толпе Яэ.

Все взгляды сосредоточились на ней.

— Узуки вернется к нам! — крикнула она. — А пока мы будем петь!

С этими словами начался второй номер.

Песня, всегда заставляющая толпу прыгать, была в их стиле.

Воодушевившись, поклонники прониклись атмосферой, царившей на сцене.

Пара, которая спрашивала, здесь ли проводится концерт, перешептывалась рядом с Сакутой:

— Ого, да это ненормально.

— Мм.

Оба скривились. Поклонники айдолов были для них слишком странными, но пара не ушла. Их взгляды, полные интереса, не отрывались от сцены, им было любопытно. И они были такими не единственными.

Когда закончился второй куплет и начался припев, поклонники раззадорились еще сильнее. Дождь усилился — Сакута пожалел, что не взял зонтик.

Он взглянул на небо и увидел над головой темные тучи. Мгновение назад небо было голубым. Сакута все еще видел небо где-то вдалеке. Как и говорилось в прогнозе погоды, внезапно появились облака и погода менялась.

Никто не знал, что случится через несколько минут.

Но как только эта песня закончится, у «Сладкой пули» останется лишь один последний номер, и выступление завершится. Их концерт состоял из трех песен.

И в этой песне остался только финальный припев.

Они должны были хорошо завершить выступление.

Но когда он подумал об этом, раздался треск.

Весь свет на сцене погас.

Волна удивления пробежала по толпе и обрушилась на Сакуту.

Айдолы взглянули вверх, на огни.

Музыка тоже прекратилась, микрофоны не улавливали голоса, динамики не работали.

Все притихли и замерли.

Проблемы с электричеством? На площадке отключили все электричество. Вероятнее всего, причиной был дождь...

...Это поставило четырех айдалов в затруднительное положение. Они просто замерли на сцене.

По площадке пробежал шепот.

Из-за кулис вышел мужчина в форме персонала. В руках он держал мегафон.

— Мы решаем проблему! — крикнул он. — Пожалуйста, ожидайте.

Он объявил паузу и ушел.

Кто-то раздал девушкам на сцене теплые куртки, чтобы они не замерзли. Не зная, что еще можно сделать, они надели их.

Это было ужасно.

Очевидно — для поклонников, но еще и для «Сладкой пули».

Они так сильно хотели провести этот концерт без Узуки.

Эта эмоция привела их на сцену.

И то, что эти надежды рухнули, было серьезным ударом.

Вероятно, поэтому они оставались на сцене, даже когда персонал призывал их покинуть ее. Они хотели закончить. Хотели продолжить. И это удерживало их на месте.

Но, несмотря на это желание, концерт застопорился и часть публики начала расходиться, особенно те, кто стоял сзади и случайно попал сюда.

Дождь усиливался. Сакута очень жалел, что у него нет зонтика. Он натянул капюшон, пытаясь выкрутиться.

Даже толпа у входа начала расходиться, желая укрыться от дождя, по одному или по двое, кучками. Неизвестно, когда шоу начнется снова, они, должно быть, решили найти где укрыться.

Со сцены все это хорошо было видно.

Сакута видел членов «Сладкой пули», их сжатые губы — они явно расстроились из-за безвыходного положения.

Все больше и больше людей покидали зону перед сценой. Благодаря тому, что толпа поредела, Сакута заметил ее.

Причину, почему он был здесь. Человека, ради которого он пришел.

Узуки стояла там, в просвете толпы.

На ней была бейсболка, она натянула капюшон.

Она смотрела на сцену и выглядела тревожнее всех.

Сакута догадывался, что она придет: даже он волновался об этом концерте, поэтому и стоял здесь. Узуки не могла остаться дома.

Он медленно подошел к ней и встал рядом.

— Вы часто приходите на такие концерты? — спросил он, как будто разговаривал с незнакомкой.

— ...

Узуки посмотрела в его сторону, но она не ответила и снова взглянула на сцену.

— Я никому не скажу.

— ?

— Даже если ты заговоришь со мной.

— ...

Выражение лица Узуки не изменилось. Она не показала ни удивления, ни замешательства. Она не утверждала, что потеряла голос.

Это была правда.

— Ты знал, что я лгу?

— Рыбак рыбака видит издалека.

Впервые Сакута заподозрил это в больнице. Узуки выглядела слишком спокойной, безэмоциональной, что казалось неестественным, словно она что-то скрывала, а в такой ситуации ей было что утаивать.

— А ты лгун, Сакута.

— Ага, мы с тобой те еще змеи.

— За что ты так жестоко со змеями?

— Они великодушные существа.

— В самом деле?

Узуки издала тихий смешок, как будто пыталась выдавить из себя эмоции. Подшучивания прекратились, наступило короткое молчание.

Она первой нарушила его:

— Я и вправду потеряла голос во время выступления, — оправдалась она. — Хотя, думаю, ты не согласишься.

Узуки бросила на него нервный взгляд.

— Я тебе верю. Я был там.

Она не притворялась. Сакута видел: это шокировало всех.

— Ты был сзади, верно?

— Ты видела меня?

— Со сцены многое видно.

— Тогда они, вероятно, заметили нас.

Сакута поднял глаза на сцену, где «Сладкая пуля» все еще храбро ожидала.

— Ага...

Узуки выдавила из себя неловкую улыбку.

Из-за непрекращающегося ливня ее толстовка с капюшоном промокла насквозь.

— Я прихожу на каждый концерт.

— ?

— Вы спросили об этом в начале.

— О.

— Я была на первом концерте «Сладкой пули» и не пропускала ни одного, независимо от того, насколько мала площадка.

Она говорила очень мягко.

— У них раньше были подобные проблемы?

Сакута подыграл ей, ведя себя так, словно она была обычной поклонницей. В конце концов, он же и начал это.

— Да. Не на такой большой сцене, но у них и раньше переставали работать микрофоны.

— И как они с этим справлялись?

— Продолжали петь без микрофонов. По крайней мере, так поступала их вокалистка.

И когда Узуки заговорила...

...Члены «Сладкой пули» выбросили свои куртки.

Хотя Сакута стоял далеко от сцены, он все равно видел, как они переглянулись и в унисон глубоко вздохнули. Мгновение спустя четыре голоса прозвучали в согласии.

Не было никакого аккомпанеента.

Из динамиков ничего не доносилось.

Микрофоны ничего не улавливали, а сам дождь становился довольно громким. Стук по одежде и тротуару прекрасно слышался.

Но четыре айдола выстроились в ряд на сцене и запели вместе.

Сакута и Узуки с трудом разглядели это.

Песня едва слышалась.

Но этого было достаточно, чтобы настроение изменилось.

Кто-то в первых рядах начал хлопать. С каждым хлопком к ним присоединялось все больше людей, аплодисменты растекались назад по толпе.

Часть людей, что шли к выходу, остановилась. Они смутились и в то же время заинтересовались, но они остались и наблюдали за девушками на сцене и за поклонниками.

Вряд ли выступление было безупречным. Они не стали танцевать и сосредоточились на пении, чтобы звучало как баллада.

Шквал аплодисментов донесся до Сакуты и Узуки. Такое единство не было свойственно ни айдолам, ни поклонникам, ни кому-либо еще.

Но даже так толпа не перестала уменьшаться, половина зрителей уже ушла.

И еще больше людей продолжали уходить.

Позади Сакуты и Узуки кто-то перешептывался:

— Значит, она так и не появилась?

— Это глупо. Уходим.

Они повернулись и пошли прочь. И они были такими не одни. Тех, кто оказался здесь случайно, не интересовало, через что проходит «Сладкая пуля».

Они остановились посмотреть только потому, что могла появиться девушка из рекламы.

Иначе они бы ушли сразу. Все было просто и незатейливо.

— Это наша реальность, — прошептала Узуки.

Но она говорила достаточно громко, чтобы Сакута услышал.

— То, что они выложились на все сто, не значит, что десять тысяч человек захлопают.

Оставалось около шестисот зрителей.

— У них есть энергия.

— Да. Это был хороший концерт.

В этой реплике не было ничего фальшивого.

— Тогда почему ты просто стоишь здесь? Иди, поднимайся.

Голос Узуки звучал нормально, она могла петь.

— У меня нет на это права.

— Ты член «Сладкой пули», их лидер, их ядро.

— Я ничем не отличаюсь от них.

Узуки явно имела в виду тех, кто посмеялся и ушел. Сакута оглянулся через плечо: они уже пропали из виду.

— Во мне есть такой же голос. Часть меня смеется над ними за то, что они так старательно стремятся к своей мечте, которую они... никогда не осуществят.

— ...

— И теперь, когда я это знаю, я не могу подняться туда, к ним.

Узуки не сокрушалась и не горевала. Она просто констатировала факт. Ее глаза были прикованы к сцене, и в них читался лишь намек на тоску.

Накануне, когда она спрашивала остальных, окажутся ли они в «Будокане», она почти наверняка использовала этот тон — отстраненный, объективно оценивающий реальность.

Лишь так она могла справиться с этим. Сакута взглянул на ее профиль: она выглядела потерянной.

«Надо мной тоже смеялись?»

В тот день она узнала правду.

Но будь дело только в этом, она бы не была здесь, не смотрела бы на сцену.

Она заметила кое-что еще.

Она поняла, почему люди смеялись над ней.

Все было благодаря тому, что она научилась распознавать сарказм и злобу.

Она узнала о разнице между тем, что говорят, и имеют в виду. Она узнала, что люди высмеивают других за спиной. Она узнала, что именно так и поступают люди.

Но что с того?

Все так делают.

Все это чувствуют.

Все так поступают.

Так что...

— Тоёхама знает.

— ?

— Она знает, что она неуспешный айдол.

— ...

— И она прекрасно знает, что люди смеются над ней за это.

Но она все еще была там, на сцене, и пела от всего сердца.

— Держу пари, остальные тоже.

И они продолжали петь.

— Они знают, что такими темпами они никогда не доберутся до «Будокана».

— ?!

— Они знают, какова реальность.

— И что?.. — Голос Узуки дрогнул.

— Ты всерьез спрашиваешь?

— ...

— Все так очевидно, что даже я понимаю.

Сакута знал, что Узуки осознавала это. Она провела достаточно времени с другими, работала так же усердно, как и они, была на тех же сценах. Независимо от того, как много зрителей они собирали на концертах и сколько проходило мимо, они вместе продолжали.

Сакута полагал, что она осознавала это лучше, чем кто-либо другой. Она должна была знать это в глубине души.

Никто не понимал, что чувствовали девушки на сцене, лучше, чем сама Узуки.

— Что... я должна делать?

Начинался второй припев — времени оставалось не так уж и много.

— Почувствуй атмосферу, Зукки.

Сакута мог сказать лишь это.

Узуки подняла голову и посмотрела на него, с удивлением. На ее глазах навернулись слезы, но она быстро вытерла их и повернулась обратно к сцене.

Это была та Узуки Хирокава, которую Сакута знал.

Она откинула капюшон.

Бросила ему свою бейсболку.

Ее длинные волосы рассыпались по спине.

Второй припев уже закончился.

Должна была идти минусовка, аудитория аплодировала, «Сладкая пуля» пела.

Перед финальным припевом шел бридж, сольная партия Узуки.

Даже в оригинальной версии ритм был спокойным, играло лишь фортепиано.

Поклонники, знакомые с музыкой «Сладкой пули», знали, что нужно прекратить хлопать перед началом бриджа.

Это было для того, чтобы сосредоточиться на голосе Узуки.

Воцарилась тишина. Дождь плакал. Узуки перевела дыхание.

И раздался ее голос.

Все обернулись и нашли ее в толпе.

Девушки на сцене смотрели на Узуки.

Узуки сделала шаг вперед, потом еще один. Никто не сказал ни слова, толпа перед сценой расступилась, образовав для нее проход.

Узуки зашагала по центру площадки.

Она пела и танцевала.

Когда бридж закончился, она стояла перед сценой.

— Зукки! — вскричали одновременно четыре голоса

— Зукки! — закричала в ответ толпа.

— Давай же! — завопила Яэ, и они взялись за руки и затащили Узуки на сцену.

Луч света пронзил облака. словно лестница, опустившаяся с небес. Он осветил море, толпу и сцену...

Словно свет небесного прожектора.

Раздался скрежет, динамики снова включились. Все поняли: электричество вернулось.

Кто-то вручил Узуки запасной микрофон, и все пятеро собрались в центре сцены, прежде чем вместе спеть финальный припев.

Поклонники зааплодировали, стоя

Посреди этого ликования члены «Сладкой пули» проливали слезы... и улыбались.

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/20190/3394177>